

RU

Современное состояние и тенденция унификации формантов множественного числа имен существительных в абазинском языке

Пазов С. У., Пазова Л. К.

Аннотация. Целью исследования является определение существующих лексико-грамматических возможностей выражения категории числа и главного направления их развития в современном абазинском языке. Научная новизна работы заключается в установлении наметившейся в языке тенденции унификации формантов множественного числа. В результате анализа большого корпуса иллюстративного языкового материала, извлеченного из лексикографических источников, образцов абазинского устного народного творчества, текстов художественной литературы и полевого материала авторов, прослеживаются особенности становления современной системы выражения множественного числа имен существительных и возможная унификация существующих морфологических маркеров множественности, в результате чего универсальным (или основным) формантом этой категории может стать суффикс -ква.

EN

Current State and Trend of Plural Noun Formant Unification in the Abaza Language

Pazov S. U., Pazova L. K.

Abstract. The aim of the study is to determine the existing lexical and grammatical possibilities for expressing the category of number and the main direction of their development in the modern Abaza language. The scientific novelty of the work lies in the ascertainment of the emerging trend of the plural formants unification in the language. In the course of the analysis of a large corpus of illustrative linguistic material extracted from lexicographic sources, samples of the Abaza oral folk art, texts of fiction and the authors' field material, the features of the formation of the modern system of expressing the plural number of nouns and the possible unification of the existing morphological markers of plurality are determined; and, as a result, the suffix -ква can become a universal (or main) formant of this category.

Введение

Исследование особенностей выражения грамматической категории числа в именах существительных близкородственных абазинского и абхазского языков осуществляется с середины XIX века. Первое наиболее серьезное описание этой категории, а также способов ее выражения встречается в известной работе П. К. Услара (1862) «Абхазский язык». Определенное внимание категории числа в абазинском языке уделяется в первой для абазинского языка монографической работе проф. А. Н. Генко (1955) «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта», написанной в начале 30-х годов XX века. Достаточно серьезному исследованию грамматическая категория числа подвергается в специальной монографической работе академика К. В. Ломтатидзе (ლომთათიძე, 1944) «Тапантский диалект абхазского языка», увидевшей свет в первой половине того же столетия. Исследование особенностей функционирования грамматической категории числа и ее значения в парадигматике имени существительного современного абазинского языка продолжилось в исследованиях Н. Т. Табуловой (1976), Р. Н. Клычева (Клычев, Табулова-Мальбахова, 1967), Н. Ф. Яковлева (2006) и др.

В результате проведенных исследований лингвистическое кавказоведение может констатировать, что категория числа является одной из основных грамматических категорий имен существительных современного абазинского языка и на синхронном уровне различаются имена существительные единственного числа и множественного числа.

Актуальность исследования особенностей выражения и функционирования грамматической категории числа в современном абазинском языке заключается в необходимости определения основного (главного) показателя множественного числа, других, менее востребованных грамматических возможностей выражения последнего и установления направления развития языковых процессов в контексте рассматриваемой грамматической категории. Решение данного вопроса позволит избежать смешения различных форм грамматических категорий класса и числа, которые имеются только в именах множественного числа.

В целях определения основных форм и способов выражения множественного числа имен существительных и особенностей их функционирования в современном абазинском языке в представленной работе решаются следующие задачи: 1) провести классификацию способов образования множественного числа имен существительных в современном абазинском языке; 2) определить взаимосвязь и особенности функционирования на синхронном уровне языка таких грамматических категорий, как категория класса и категория числа в именах существительных; 3) установить направление развития (тенденцию) форм выражения множественного числа в именах существительных современного абазинского языка.

В ходе исследования используются сопоставительный и описательный методы. При определении взаимоотношений аффиксов **-ква** и **-чва**, выражающих не только множественное число, но грамматические классы, используется и сравнительно-исторический метод. Совместное системное использование нескольких методов позволяет описать объективно не только особенности современного состояния языка, но и в определенной мере проследить процесс их формирования, сравнивая с соответствующими фактами близкородственных языков (в данном случае абхазского).

Основной теоретической базой представленной работы послужили труды советских, российских и зарубежных кавказоведов А. Н. Генко (1955), К. В. Ломтатидзе (2006; ლომთათიძე, 1940; 1944; 1954; 1976; 1961), Г. А. Климова (2007), Р. Н. Клычева (Клычев, Табулова-Мальбахова, 1967; Klychev, Lomtadidze, 1989), Н. Т. Табуловой (1976), А. С. Чикобава (2010), В. О'Herin (1995).

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в педагогических колледжах и вузах при изучении курсов «Современный абазинский язык», «Сопоставительное языкознание (русский и абазинский языки)», «Сравнительная грамматика абхазско-адыгских языков», а также при подготовке учебной и методической литературы для средней и высшей школы (программы дисциплин, учебники, учебно-методические пособия, разработки, рекомендации).

Основная часть

В современном абазинском языке для обозначения единственного числа не существует специальной отдельной самостоятельной грамматической формы – словарная форма лексемы одновременно является и формой единственного числа: *цла* «дерево», *апхьага* «учебник», *бага* «лиса», *бзибара* «любовь», *хьацла* «мужчина». *Ацла* *зквхлазгы дьгъзитI*, *абгъгы* *зквхвазгы дьгъзитI* (Табулова, 1977, с. 70). / «Стонет и тот, на которого **дерево** свалилось, и тот, на которого **лист** (из этого дерева) упал» (здесь перевод выполнен авторами статьи. – С. П., Л. П.). *Гвакьвпра* *змырхъвых узвакьвпра йауымхIвын* (Табулова, 1977, с. 76). / «Кто не пережил **горе**, тому не рассказывай о своем **горе**». *ЙишкIвакIвасышта архъа йыкьвнI асы*, // *ХIара хIанхвыцыз хIнапа цкъа йапишда-та* (Мыхц, 2009, с. 228). / «Ослепительно белый **снег** лежит на **поле**, будто наша чистая **совесть** в детстве».

Часто для выражения неопределенности (неопределенного единственного числа) к словарной форме имени присоединяется суффикс **-кI**, который выражает и значение единичности: *ЛакI шитI*, *тишкI хIвитI* (Табулова, 1977, с. 109). / «Собака (досл. собака одна какая-то) лает, лошадь (досл. лошадь одна какая-то) пасется» (соотв. Собака лает, караван идет). *Рпсы кьысакI йацтанI* (Табулова, 1977, с. 115). / «Их водой не разольешь» (досл. их души в одном (каком-то) кисете). Этот же аффикс **-кI** присоединяется и к формам множественного числа: *КIвтIагъышкI дрылапаргы квтIагъкI гзыптышашым* (Табулова, 1977, с. 108). / «Если даже под его ногами окажется сто яиц, он не сможет раздавить ни одного». В данном случае аффикс **-кI** присоединяется и к слову, обозначающему далеко не единственное число *кIвтIагъышкI* «сто яиц, сотня яиц», и к слову *квтIагъкI* «одно яйцо», в связи с чем не может служить маркером категории числа.

Множественное число имени существительного в абазинском языке выражается различными формантами, которые присоединяются к слову, в основном в качестве суффиксального элемента. Таковыми могут быть суффиксы **-ква**, **-чва**, **-чва-ква**, **-ра**, **-ргIа**. В отдельных случаях для выражения значения собирательности используется формант категории определенности, префикс **а-** (*цха* «пчела» – *ацха* «пчелы, рой пчел»), который занимает абсолютное начало слова. Редко для выражения множественности используется и редупликация. Эти формы выражения грамматической категории множественного числа описаны еще в 40-50-х годах XX века в исследованиях академика К. В. Ломтатидзе (ლომთათიძე, 1940; 1944; 1954; 1976), посвященных абазинскому и абхазскому языкам, в монографии А. Н. Генко (1955), немного позже – в 60-70-х годах XX в. в исследовании Р. Н. Клычева и Н. Т. Табуловой-Мальбаховой (1967). Первоначальные сведения о категории числа на материале абхазского языка даны в монографии П. К. Услара (1862, с. 115-117) еще в 60-е годы XIX столетия.

Материал современного абазинского языка показывает, что самым активным и продуктивным из вышеперечисленных формантов множественного числа является суффикс **-ква**, который преимущественно употребляется со словами класса вещей.

Здесь же необходимо отметить, что имена существительные во множественном числе различают грамматические классы вещей и человека.

Основным формантом множественного числа в словах, относящихся к классу вещей, является суффикс **-ква**: *тды* «дом» – *атыдзква* «дома», *глагвалашвахра* «воспоминание» – *аглагвалашвахраква* «воспоминания», *цис* «птица, воробей» – *ацисква* «птицы, воробьи», *швагала* «шакал» – *ашвагалаква* «шакалы». *Ацисква рыгва-ра пытшуа йнапква цынкльрагвацахитI* (Табулова, 1977, с. 70). / «Кто разоряет птичьи гнезда, у того руки покрываются бородавками». *Амгваква, амгваква* – // *Хылахь гвагванаква*, // *Хлашва нашхыйаква*, // *Хлхвыц-раква, хлгвалаква...* (Мыхц, 2009, с. 339). / «Дороги, дороги – судьбы нашей мерники (расстояния), песни грустные, думы, мечты...». *Акхырльквачагы псслгахитI йглацIрын хьарачIвила...* (Мыхц, 2009, с. 339). / «И журавли улетают, курлыча вдали».

Множественное число имен существительных, относящихся к семантическому классу человека, в абазинском языке выражается в большей степени суффиксом **-чва**: *аца* «брат» – *ацчва* «братья», *хьацIа* «мужчина» – *хьачва* «мужчины», *арпхьагIв* «учитель» – *арпхьагIвчва* «учителя». *Ацчвата йафу зымгвагы аныкI йьгIалриуам* (Табулова, 1977, с. 74). / «Все братья не от одной матери» (т.е. бывает родство и по духу, а не только по крови).

Представляет большой интерес и такой факт – суффикс **-чва** употребляется с именами существительными, относящимися только к словам класса (семантического) человека, а суффикс **-ква** может выражать множественное число существительного и в словах, относящихся к классу вещей, и в лексических единицах класса человека. *ЦIла* «дерево» – *ацIлаква* «деревья», *хьылпа* «шапка» – *ахьылпаква* «шапки», *квяджьма* «волк» – *аквяджьмаква* «волки», *цIай* «ребенок» – *ацIайква* «ребята, дети» и т.д. *Зач ддыруубзарныс ргвалата йычваз асабиква рыуа ахIба дгIацIтырпIатI, днарахвын зыла гIакIыцIта йылбгIыкьбуз адзы «хьвашт»-хIва дтадрьшвтI* (Абаза турыхква, 2015, с. 126). / «Для того чтобы Зач стала более стоворчивой, они схватили старшего из еще спящих детей и бросили в воды бурного потока». *Ауасахчаква джвылкьбан гIвысасчва гIардылтI* (Абаза турыхква, 2015, с. 129). / «Чабаны выбежали и пригласили (завели) двоих гостей». Более того, наблюдаются случаи, и достаточно часто на уровне современного абазинского языка, когда к имени существительному с аффиксом множественного числа **-чва** присоединяется еще и второй суффикс **-ква**, который также выражает множественность, но в группе слов, относящихся к классу вещей. В данном случае образуется сложный суффикс **-чва-ква**: *апхьагIвы* «ученик» – *апхьагIв-чва* «ученики, учащиеся» – *апхьагIв-чва-ква* «ученики, учащиеся». При этом суффикс **-ква** не является избыточным, а, наоборот, становится основным показателем категории числа. В таких случаях суффикс **-чва**, продолжая выражать множественное число, в большей степени становится показателем класса человека. *Ахьчваква ргерымгьыз быжьква гьарпагьаджьта, уадгьына даг-вышыва, ашуара чвгьа йаршыз ахIауа йгIалгIитI* (Абаза турыхква, 2015, с. 113-114). / «Душераздирающие стоны раненых, будто эхо глухого колокола, слышатся сквозь раскаленный жарой воздух». *ЙчIвас асасчваквачагы шIыцIта ужвы йгIайквас агIвысасчвачагы данрылапш, гIальаматсайыркI гIанишутI-хIва Зач гьвы гIатгьыргьгIатI* (Абаза турыхква, 2015, с. 129). / «Посмотрев на сидящих гостей и только что прибывших двух новых гостей, сердце Зач оживилось (забилося быстрее) в ожидании интересного действия». *Бата йагьачваква ауи дапырыхта ауат йырчыгIатигаз – ауагIа рхьахвитра – дрыдзра рмурадын* (Абаза турыхква, 2015, с. 131). / «Враги Баты планировали расправиться с ним и уничтожить то, что вопреки им он дал простому народу, – свободу».

Анализируя множество случаев совместного употребления в пределах структуры одного слова двух формантов множественного числа, К. В. Ломтатидзе приходит к выводу, что в историческом прошлом суффикс **-чва** был фонетическим вариантом форманта **-ква**, который использовался для выражения множественного числа в отдельных случаях.

Известно, что в абазинском языке, как и во всех иберийско-кавказских языках (Чикобава, 2010, с. 100-101, 125; *ᄎᄎᄎᄎᄎᄎᄎᄎᄎ*, 1961), имена существительные в прошлом различали грамматические классы (имели грамматическую категорию класса). Показателями этой категории были префиксальные элементы, которые в отдельных словах и сегодня встречаются в качестве окаменелых экспонентов: *мIва* «дорога», *миш* «день», *мца* «огонь», *мара* «солнце», *быгIвнифа* «дорожный провиант» и др. В современном абазинском языке соответствующая категория в полуразрушенном, ослабленном состоянии (в первом лице единственного числа грамматические классы уже не различаются, морфологически не выделяются) сохраняется только у глагола. Существующая в формах множественного числа современного абазинского языка система выражения грамматических классов является более поздним образованием. В абхазском и абазинском языках «слова различных частей речи имеют различные классные показатели, что следует считать вторичным явлением» (Чикобава, 2010, с. 125). Предполагается, что во времена распада категории грамматического класса в именах параллельно используемые показатели множественного числа, аффикс **-ква** и его фонетический вариант **-чва**, получили функциональную дифференциацию: суффикс **-ква** начал преимущественно использоваться со словами класса вещей, а **-чва** – с именами существительными, выражающими семантический класс человека. И тем самым в некоторой степени стали компенсаторами исчезающей грамматической категории класса в именах существительных. Однако эти форманты лишь частично сохранили выражение грамматических классов в именах, полноценной версии этой категории у существительных в современном абазинском языке уже нет. По мнению академика А. С. Чикобава (2010), это естественный процесс языка. Он пишет, что «тенденция к нейтрализации различий грамматических классов во множественном числе, проявляющаяся в процессах конвергенции и унификации, опирается на принципы *внутреннего развития* с грамматическими классами» (с. 112).

Определенный интерес вызывает и такой факт: статистический анализ текстов абазинского нартского эпоса показывает, что для них (текстов) выражение множественного числа сразу двумя суффиксами (или сложным суффиксом) **-чва-ква** встречается очень редко по сравнению с той ситуацией, которая имеется

в текстах современных художественных произведений и разговорной речи. Вот один из немногих примеров, который нам удалось зафиксировать в текстах всего сборника «Нарты. Абазинский народный эпос» (1975): *Ауат жвгIвайщчва йнадзитI, агIыгIв рхъа ура йгIаусрыгъхатI. Сотраш жвгIвыта дхIымахпI, йащчваквва рымгIва йраура атахъынI* (с. 108). / «Их девять братьев, головы восьмерых ты уже принес мне. Остался девятый – Сотраш, надо сделать так, чтобы и он последовал за ними» (досл. надо, чтобы и он нашел их путь). В сборнике абазинских пословиц, поговорок, примет и крылатых выражений, составленном Н. Т. Табуловой (1977), содержащем 2226 афоризмов, присутствуют имена существительные с аффиксом множественного числа **-ква** – около 40, а с суффиксом **-чва** – всего 6. Соотношение частотности употребления этих форм в довольно устойчивых языковых формулах – 7 к 1. При этом частотность употребления других формантов множественного числа особо не отличается от того, что мы имеем в современном абазинском языке. Об этом свидетельствует и тот факт, что в пределах приведенного примера (одной строфы) встречается имя существительное *аща* «брат» в привычной форме множественного числа для слов, относящихся к семантическому классу чело-века: *жвгIвайщчва* «девять братьев» – и в более поздней, на наш взгляд, форме, в которой множественное число уже выражается сразу двумя суффиксами: *йащчваквва* «его братья». Учитывая время формирования эпоса, его довольно солидный возраст, смеем предположить, что очень редкое употребление форм выражения множественного числа имен существительных сложным суффиксом **-чва-ква** в соответствующих текстах является своеобразным свидетельством более позднего происхождения аналогичных сложных формантов. В современном абазинском языке параллельное употребление **-чва** и **-ква** не просто в пределах одного текста, но даже в структуре одного предложения, на наш взгляд, указывает на то, что наметилась тенденция возвращения суффиксом **-ква** былых позиций: быть основным показателем морфологического выражения множественного числа имен существительных.

Это подтверждается также особенностями функционирования в современном абазинском языке и других грамматических форм, выражающих множественное число имени существительного.

В начале статьи мы указали, что для определенной группы слов показателем множественного числа имени существительного выступает аффикс **-ра**. Этот суффикс в качестве форманта множественного числа имен существительных присоединяется к словам, обозначающим детенышей животных и птиц, образующихся «с помощью т.н. суффикса деминутива» (Ломтатидзе, 2006, с. 116): *хIвыс* «теленок», *цIис* «воробей», *квчIис* «цыпленок», *сыс* «ягненок», *тишIыс* «жеребенок» и т.д. В аналогичных словах место аффикса деминутива занимает суффикс **-ра** и образуется собирательная форма множественного числа: *хIвыс* «теленок» – *хIвара* «телята», *цIис* «воробей» – *цIара* «воробы», *квчIис* «цыпленок» – *квчIара* «цыплята», *сыс* «ягненок» – *сара* «ягнята», *тишIыс* «жеребенок» – *тишIара* «жеребята», *дзсы* «козленок» – *дзара* «козлята», *чвчIыс* «бычок» – *чвчIара* «бычки» и др. Эта форма образования множественного числа в большей степени соответствует принципу чередования суффиксов в русском языке: *котенок* – *котятa*, *цыпленок* – *цыплята*, *ягненок* – *ягнята* и т.д.

«Формант **-ра** употребляется и в комбинации с аффиксом **-ква**» (Табулова, 1976, с. 49), как это наблюдалось выше при сочетании форманта **-чва** и аффикса **-ква**. В таких случаях образуется сложный суффикс **-ра-ква**, в котором функцию выражения множественного числа в большей степени перетягивает на себя суффикс **-ква**, а формант **-ра** ориентируется в основном на выражение значения собирательности: *АцIараква*, *ацIараква*, // *АцIара-цIаранIараква*, *ачIвацIла йгIахъачIватI* (Шхай, 2020, с. 41-42). / «Птички, птички, птички-невелички, расселись на яблоне». *АквчIараква* «кIвычI-кIвычI»-хIва // *Апахъ апны йбгъватIун* (Шхай, 2020, с. 41-42). / «Цыплята, издавая звуки “куч-куч”, ворошили что-то во дворе».

В атрибутивных комплексах «имя существительное + имя прилагательное» компоненты сложного суффикса **-ра-ква** часто присоединяются и к первому, и ко второму компонентам словосочетания. При этом суффикс **-ра** присоединяется к препозитивному имени существительному, а **-ква** – к постпозитивному прилагательному. *АцIара кIвашагIвы чкIвынква*, *ацIара щахвахринаква*, // *Швуарадкагы швсуратквагы* // *Бзидза йызбитI сара* (Шхай, 2020, с. 42). / «Птички – танцоры, птички с ножками-качелями, песенки ваши и ваш облик люблю я очень». Более того, встречается и вариант, когда в аналогичных атрибутивных комплексах препозитивное имя остается с суффиксом деминутива **-с**, а постпозитивное прилагательное принимает суффикс **-ква**: *АквчIис чкIвынквагы гIайын* // *Фарида дгIакIвдыршатI* (Шхай, 2020, с. 48). / «Пришли птички-невелички и окружили Фариду».

Встречается еще одна форма множественного числа у слов – наименований детенышей, образованных аффиксом деминутива **-с**: простое присоединение основного суффикса множественного числа **-ква** при сохранении в структуре слова суффикса деминутива **-с**: *Сара цIу-с-ква*, *сара схIвыхIквва!* *Шва йгIашвадIвыргIатI швмурад!* (Шхай, 2020, с. 69). / «Мои птички, мои голубки! Да сбудутся ваши мечты».

Такое разнообразие в оформлении аффикса множественного числа, в данном случае суффикса **-ра-ква**, на наш взгляд, свидетельствует о том, что такие сложные формы являются более поздними образованиями.

В словах, выражающих собирательно-обобщенное значение родов, фамилий, семейства, групп, лиц (Табулова, 1976, с. 49) множественное число образуется с помощью суффикса **-ргIа**. По результатам исследований академика К. В. Ломтатидзе (2006), в слове *угIа/аугIа/ауагIа* «люди» «выделяется суффикс **-гIа** (здесь и далее слова, приведенные в латинской транскрипции в работе К. В. Ломтатидзе, даются нами в действующем алфавите абазинского языка), который, присоединяясь к указанному выше **-ра**, образует сложный суффикс **-ргIа** с собирательным значением и употребляется по отношению к фамилиям, названиям народностей и подобным именам...» (с. 116). *ЛургIа йларцIаз ахIацIлаквва ужвгыгы йабгаркIванI* (полевой материал авторов,

При употреблении суффиксов **-чва**, **-ра**, **-ргIа** самостоятельно (отдельно от **-ква**) и частично при редупликации формы множественного числа имени существительного не требуют префикса категории определенности **а-**: *сыс* «ягненок» – *сара* «ягнята», *квчIис* «цыпленок» – *квчIара* «цыплята», *Мыда* «Мидов» – *МыдаргIа* «Мидовы», сасы «гость» – *сасчва* «гости». Здесь же следует отметить, что форма множественного числа имен существительных, образованная с помощью аффикса **-чва**, в отдельных случаях также требует постановки форманта **а-** в начале имени существительного, как это наблюдается при образовании множественного числа с помощью суффикса **-ква**: *гъа* «враг» – *агъачва* «враги», *саби* «ребенок» – *асабичва* «ребята, дети», *цIай* «ребенок» – *ацIайчва* «ребята, дети».

Представляет интерес и оформление множественного числа в атрибутивных комплексах «имя существительное (класса человека) + имя прилагательное». В таких комплексах показатель множественного числа оформляет отдельно каждое слово, при этом к первому компоненту (существительному класса человека) присоединяется суффикс, выражающий одновременно класс человека и множественное число, а второй компонент (прилагательное) оформляется суффиксом **-ква**: *хъацIа ду* «высокий мужчина» – *ахъа-чва ду-ква* «большие (высокие) мужчины»; *хIвсыса пидза* «красивые девушки» – *ахIвсса пидзаква* «красивые девушки» и т.д. В тех случаях когда аналогичный атрибутивный комплекс состоит из имени существительного класса вещей, все словосочетание полностью оформляется как одно грамматическое слово – префиксы принимает препозиционное имя, а суффиксы присоединяются к постпозиционному прилагательному, при этом все аффиксы одинаково определяют грамматические категории всего сочетания в целом (*цIа ду* «большое дерево» – *ацIа дуква* «большие деревья»).

Заключение

Проведенный анализ материалов современного абазинского языка дает основание утверждать следующее:

1. В отношении выражения числа имена существительные абазинского языка подразделяются на три типа: а) слова, употребляемые и в единственном, и во множественном числе (таковых абсолютное большинство); б) имена, употребляемые (или преимущественно употребляемые) в единственном числе; в) существительные, употребляемые (или преимущественно употребляемые) во множественном числе.

В качестве способов выражения множественного числа имен существительных выделяются следующие:

а) морфологический – показатель (показатели) множественного числа ярко выражен. К таким формантам множественного числа относятся вышеуказанные суффиксы **-ква** (*алаква* «собаки»), **-чва** (*ахъачва* «мужчины»), **-чва-ква** (*анхагIвчваква* «рабочие»), **-ра** (*хIвара* «телята»), **-ра-ква** (*асараква* «ягнята»), префикс категории определенности **а-**, который одновременно выполняет функции двух грамматических категорий – определенности и множественного числа (*ачвыныцIы* «мошकारа», *ацIа* «рой пчел»), **-ргIа** (*пхIвсыргIа!* «женщины!»);

б) фонеморфологический – для выражения множественного числа язык использует явление редупликации (*хIвсыса* «девчата, девушки», *щасса* «мелкий рогатый скот»);

в) лексический – значение (содержательная часть) отдельных групп слов предполагает (содержит в себе) множественность. В таких словах формант (или форманты) множественного числа существительных в структуре лексической единицы морфологически не представлен (*рахвы* «скот»).

2. Наличие в современном абазинском языке сложных по своей структуре (и даже избыточных на первый взгляд) формантов множественного числа связано с распадом категории грамматического класса в абхазско-адыгских языках, в результате чего суффикс **-чва**, некогда фонетический вариант суффикса множественного числа **-ква**, начал выражать и категорию грамматического класса (класс человека), тем самым компенсируя в определенной степени исчезающее грамматическое значение класса человека. Поэтому в современном абазинском языке категория грамматического класса частично сохраняется именно в формах множественного числа (а не единственного, как это принято в большинстве кавказских языков, сохранивших первичные формы выражения грамматической категории класса).

3. Все сказанное и анализ особенностей грамматического оформления категории числа в именах существительных современного абазинского языка позволяют сказать, что в настоящее время сформировалась устойчивая тенденция унификации форманта множественного числа **-ква**. В перспективе в результате десемантизации отдельных аффиксов, функционирующих в современном языке, или преобразования их функций суффикс **-ква** может стать единственным формантом множественного числа в именах существительных абазинского языка.

Источники | References

1. Абаза турыхква / АгIацIштра йазызрыхIазырыз ЧкIала ПитIа йакIвпI. Минеральные Воды: Алашара, 2015.
2. Большой энциклопедический словарь (БЭС). Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е, репринт. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
3. Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.
5. Клычев Р. Н., Табулова-Мальбахова Н. Т. Краткий грамматический очерк абазинского языка // Абазинско-русский словарь / под ред. В. Б. Тугова. М., 1967.

6. Ломтатидзе К. В. Абазинский язык (Краткое обозрение). Тбилиси: Универсал, 2006.
7. Мыхц К. ХтомкIლა йалу აგIყრაჲა რაჲკIრა. Черкесск: Къарча-Черкес გIყრაგIაჲყტრა, 2009. Йап-хъахау атом.
8. Нарты. Абазинский народный эпос / сост., пер. и коммент. В. Н. Меремкулова. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1975.
9. Табулова Н. Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск, 1977.
10. Табулова Н. Т. Грамматика, абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.
11. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Рукописное издание, 1862.
12. Чикобава А. С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси: Универсал, 2010.
13. Шхай К. Абаза саби уысара. Черкесск - Карачаевск, 2020.
14. Яковлев Н. Ф. Грамматика абхазского литературного языка. Сухум: Алашара, 2006.
15. Klychev R., Lomtadidze K. Abaza // The Indigenous Languages of the Caucasus: in 4 vols. Delmar, 1989. Vol. 2 / ed. by B. G. Hewitt.
16. O'Herin B. Case and Agreement in Abaza. Santa Cruz: SIL International; The University of Texas at Arlington, 1995.
17. ლომთათიძე ქ. აფხაზური და აბაზური ენების ისტორიულ-შედარებითი ანალიზი. I. ფონოლოგიური სისტემა და ფონეტიკური პროცესები. თბილისი, 1976 (Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976).
18. ლომთათიძე ქ. აფხაზური ენის ტაპანტური დიალექტი. თბილისი, 1944 (Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944).
19. ლომთათიძე ქ. აშხარული დიალექტი და მისი ადგილი სხვა აფხაზურ-აბაზურ დიალექტთა შორის. თბილისი, 1954 (Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954).
20. ლომთათიძე ქ. გაქვავებულ გრამატიკულ კლას-ნიშანთა საკითხისათვის აფხაზური ენის სახელის ფუძეებში // საქ. სსრ მეცნ. აკად. მოამბე. 1961. ტ. 26. № 1 (Ломтатидзе К. В. К вопросу об окаменелых показателях грамматических классов в основах имен абхазского языка // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1961. Т. 26. № 1).
21. ლომთათიძე ქ. რედუპლიკაციის ფუნქციებისათვის აფხაზურში // ნ. მარის სახ. ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინ-ტის მოამბე. 1940. ტ. 5-6 (Ломтатидзе К. В. О функциях редупликации в абхазском языке // Известия Института языка, истории и материальной культуры. 1940. Т. 5-6).

Информация об авторах | Author information

RU

Пазов Сергей Умарович¹, к. филол. н., проф.
Пазова Лилия Кяшифовна², к. пед. н., доц.

^{1,2} Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск

EN

Pazov Sergey Umarovich¹, PhD
Pazova Lilia Kashifovna², PhD

^{1,2} U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk

¹ pazov@rambler.ru, ² pazov@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): абазинский язык; категория числа имени существительного; множественное число; унификация способов выражения множественного числа; Abaza language; category of noun number; plural number; unification of ways of plural number expression.